От Редакционной коллегии Морискома.

«Статья В. Новицкого—«Критический разбор плана операций на Балтийском море» помещается, ввиду значительного интереса ее содержания, в дискуссионом порядке. Редакционная Коллегия не считает еще пока, что она располагает всеми историческими материалами, могущими всесторонне и объективно осветить столь важный вопрос, как вопрос об оперативной готовности нашей морской силы к началу мировой войны. Тем не менее, научная важность исследования этого вопроса уже назрела и поэтому, выпуская работу В. Новицкого, редакционная Коллегия приглашает читателей к самому широкому и интенсивному обсуждению важнейших и интереснейших вопросов, затронутых автором».

Критический разбор плана операций на Балтийском море.

В основу подготовки Балтийского флота к войне был положен «План операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны на 1914 год».

Из рассмотрения означенного плана можно прежде всего усмотреть ту задачу, которая ставилась этим силам.

«Основное задание плана операций для Балтийского моря сохраняет уже принятую формулировку: воспрепятствовать противнику проникнуть в восточную часть Финского залива, за меридиан о-ва Наргена, хотя бы временно, обеспечив мобилизацию сухопутных войск Петербургского военного округа, имеющих ближайшей задачей защиту столицы». [1])

Задача эта являлась в высшей степени ограниченной. Составители исследуемого плана операций заведомо ограничили ее, отказавшись от борьбы за господство в западной части Финского залива и в других заливах и водах Балтики и от возможной поддержки правого фланга наших армий с моря, несмотря на то, что подобное расширение задачи наших морских сил Балтийского моря должно было бы иметь чрезвычайно важное значение.

Повидимому, это ограничение задачи морских сил Балтийского моря последовало—по выражению самого плана:—«В виду совершенной невозможности учета тех сил, которые может выделить германский флот для операций на Балтийском театре» [2]) и сделанного из этого обстоятельства вывода, что «следует рассчитывать на силы подавляющие наш Балтийский флот, и признать невозможность в текущем году каких либо операций в открытом море» [3]).

По той же причине, рассматривая план операций, мы видим, что «положенная в основание оперативного плана 1912—1913 гг. идея постановки минного поля между Кальбодагрундом и *N*-ой оконечностью о-ва Наргэн, защищаемого всеми наличными силами нашего флота, развертываемого на центральной и фланговой шхерной позициях, сохраняется и на 1914 год» [4]).

Таким образом мы видим, что составители плана операций морских сил Балтийского моря, отказавшись от учета сил, которые мог выделить германский флот для операций на Балтийском театре, признали однако, что нашим морским силам на этом театре придется иметь дело с подавляющими силами противника и вследствие этого с одной стороны признали невозможность активных операций в открытом море, а с другой—в основу своего плана

---

[1]) Д. Архива № 11489 стр. 4.
[2]) *ibidem.*
[3]) *ibidem.*
[4]) *ibidem.*

положили оборону восточной части Финского залива на позиции на линии Кальбодагрунд—Наргэн.

Посмотрим сначала насколько была основательна предпосылка составителей плана, касающаяся несоразмерности сил противника с нашими морскими силами Балтийского моря, а затем установим в какой степени правильно было ограничение оперативной зоны наших сил, про каковое находим в плане операций следующее: «Состав наших сил определяет ограниченную оперативную зону в Финском заливе между меридианами Свеаборга и острова Оденсхольм, приблизительно ограничивающего с запада район флангово-шхерной позиции. В силу таковой обстановки исключаются операции в Моонзунде и в Або-Оландском шхерном районе, кроме ограниченного частного минирования и заграждения некоторых фарватеров и уничтожения навигационных знаков» [1]).

Рассматривая только силы Германии и России на море перед войной, приходится признать, что морские силы обоих этих великих держав являлись несоизмеримыми, и, как принимали в своей предпосылке составители плана операций, в случае войны с Германией нашему флоту на Балтийском море предстояло иметь дело с подавляющими силами германского флота. Однако, при существовавшей до великой войны общей военно-политической обстановке в Европе изолированное вооруженное столкновение обоих поименованных великих держав представлялось совершенно невероятным. В самом деле, более или менее значительная общность военно-политических интересов вызвала в конце XIX и начале XX столетий образование в Европе целого ряда военно-политических комбинаций причем и Россия, и Германская империя входили в состав такого рода комбинаций. При наличии подобной обстановки приходилось учитывать, что в случае вооруженного столкновения между Россией и Германией эти великие державы будут поддержаны с одной стороны Францией, а с другой Австро-Венгрией, для которых борьба соответственно с Германией и с Россией представлялась при наличии русско-германского столкновения случаем, которого они не могли упустить. В меньшей степени представлялось несомненным выступление Италии, на которую немцы, учитывая отсутствие для нее особых интересов в борьбе с Россией и даже с Францией, расчитывали значительно меньше, чем на Австро-Венгрию, хотя Италия и входила в состав тройственного союза. Но если характер интересов делал сомнительным участие Италии в войне, несмотря на формальное состояние ее в союзе с Германией и Австро-Венгрией, то характер интересов некоторых других держав, во главе с Англией, наоборот, заставлял предполагать, что хотя они и не входили в основные союзы, на которые разделилась Европа, но что тем не менее они примут участие в борьбе для достижения прежде всего своих целей.

Таким образом составителям плана операций, учитывавшим,

[1]) Д. Архива № 11489 стр. 5.

несомненно, и общую военно-политическую обстановку, необходимо было рассчитывать на борьбу с Германией не *tête à tête*, а в составе известных военно политических комбинаций. Задача определения состава последних представляла при существовавшей обстановке сравнительно немного затруднений, по крайней мере в основных чертах, а возможные основные комбинации были слишком немногочисленны, чтобы их нельзя было предусмотреть в виде вариантов плана операций.

Прежде всего представлялось совершенно несомненным участие в борьбе между Германией и Россией также и Австро-Венгрии на стороне Германии, и Франции на стороне России. Это положение было на столько несомненным, что планы операций военно-сухопутных сил России разрабатывались, исходя из этой основной комбинации и военных конвенций, связывавших участников двойственного союза. Таким образом и для флота необходимо было прежде всего считаться с участием в войне Франции и французского флота, а уже одно это в значительной мере колебало несомненность и бесспорность основной предпосылки плана операций наших морских сил Балтийского моря в отношении оценки сил, с которыми им предстояло иметь дело и сосредоточение противником на Балтийском морском театре подавляющих сил должно было учитываться как возможное, но не как несомненное.

В самом деле, учитывая, что у германского флота было бы в случае войны с двойственным союзом два противника — французский и русский флоты, учитывая, что в случае подобной войны, по всем имевшимся данным, надлежало ожидать прежде всего удара Германии в сторону Франции, учитывая также, что при подобной обстановке, сосредоточивая свои силы в первую очередь против Франции, Германия имела серьезнейшие основания и для сосредоточения против Франции, как против сильнейшего на море противника, своих военно-морских сил и, наконец, учитывая, что направляя свои морские силы против Франции, Германия могла надеяться на вступление в борьбу Италии, обширная береговая линия которой и только что приобретенные колониальные владения на южном берегу Средиземного моря, должны были удерживать королевство от вступления в борьбу главным образом из за господства французского флота на море — составители плана операций нашего флота на Балтийском море не имели права считать несомненным, что в случае Европейской войны в 1914 году германский флот главное свое внимание и свои силы обратит на удар в сторону Финского залива. Не исключая и этой последней возможности, они не должны были забывать о том, что это только возможность.

В то же время, учитывая высокие качества германского командования, составители плана не имели никаких оснований допускать, что находясь лицом к лицу с двумя противниками германское командование не сосредоточит своих усилий против одного из них, как того требует военное искусство, а разбросает свои силы, ибо

только в случае такой разброски противником своих сил, совершенно неправильной и опасной, наше командование могло расчитывать на подавляющие силы противника в Балтике и в случае обращения главных сил такового против Франции. Но на расчете на неправильные действия противника можно самое большее основывать варианты плана операций, но никак не основной и единственный план, как это было в разбираемом случае. (Мы не считаем вариантов на зимний и летний периоды, так как по идее план не менялся).

Таким образом, составители плана операций не имели права пренебрегать возможностью, что германское командование в случае войны с двойственным союзом сосредоточит свои силы и в том числе морские силы против Франции, выделив в Балтику только силы необходимые для возможности успешной обороны, то есть не подавляющие, по сравнению с нашими морскими силами в Балтийском море и следовательно совершенно не исключающие для нас возможности ведения активных операций в открытом море.

Эта возможность становилась еще более вероятной, допуская предположения, что России придется бороться с Германией в составе не только двойственного союза, но и тройственного согласия, то есть вместе с Англией. Выступление Англии в войну представлялось в такой степени возможным, что в течении ряда лет, предшествовавших войне, вся политическая и военная печать была главным образом занята вопросом о позиции Англии в случае Европейской войны. И если желание Англии сохранить формальную независимость в области внешней политики трактовалось одними как знак намерения британского правительства сохранить нейтралитет в назревшей борьбе двойственного и тройственного союзов, то другие, учитывая жизненные интересы Британской империи, ее исторические традиции и стремления, не придавали значения тому обстоятельству, что англо-франко-русская военно-политическая комбинация носила наименование согласия, а не союза и, полагая, что суть вопроса кроется не в формах и письменных обязательствах, а в соответствии интересов, не сомневались в том, что в случае войны на континенте Англия вмешается в борьбу.

При наличии подобной обстановки составители плана не имели никакого основания столь решительно и определенно пренебрегать возможностью вмешательства в Европейскую войну Великобритании. Между тем, в случае вмешательства последней представлялось почти несомненным сосредоточение внимания и почти всех сил германского флота в Северном море и, в результате, отсутствие в Балтийском море подавляющих сил германского флота, наличие которых совершенно произвольно, и ошибочно было положено в основу всего плана операций наших морских сил Балтийского моря.

Несомненно, что составители плана, составляя план операций на Балтийском театре и исходя из обратной предпосылки, сделали бы не менее серьезную ошибку, так как при существовавшей обстановке вопрос о вмешательстве Англии в войну и в особенности

о сроке этого вмешательства являлся вопросом не получившим еще определенного разрешения, почему и надлежало бы при составлении плана операций учесть обе основных возможности, то есть борьбу в Балтике при вмешательстве Англии и при сохранении ею своего нейтралитета или правильнее при наличии в Балтике подавляющих морских сил противника и при отсутствии такого превосходства на стороне Германии.

Таким образом, разбирая план операций наших морских сил в Балтийском море с теоретической точки зрения мы прежде всего должны установить крупнейшую основную ошибку, допущенную составителями плана, в виде составления лишь одного варианта плана операций при наличии обстановки слишком неопределенной, чтобы можно было ограничиться одним вариантом.

Положив в основание плана операций предпосылку о подавляющих силах противника, с которыми предстояло иметь дело нашему флоту, составители плана столь же произвольно сделали вывод, что подавляющее превосходство сил противника создает «невозможность в текущем году каких либо операций в открытом море» [1]) и в соответствии с этим определили для наших сил «ограниченную оперативную зону в Финском заливе между меридианами Свеаборга и острова Оденсхольм, приблизительно ограничивающего с запада район флангово-шхерной позиции» [2]) и сделали вывод, что «в силу такой обстановки исключаются операции в Моонзунде и в Або-Оландском шхерном районе, кроме ограниченного частного минирования и заграждения некоторых фарватеров и уничтожения навигационных знаков» [3]).

Признание невозможными операций в открытом море, отказ от такого рода операций и даже от какой бы то ни было подготовки для возможности хотя бы в будущем, в случае благоприятного изменения обстановки, начать операции в открытом море, ограничение оперативной зоны слишком узкими рамками, все это в большей или меньшей степени свидетельствует, что составители плана операций не были проникнуты в должной мере духом активности, слишком определенно придерживались идеи пассивной обороны.

Учитывая предвзятую идею составителей плана операций о подавляющих силах противника в Балтике, можно предположить, что отказ от операций в открытом море и от подготовки к ним явился следствием другой столь же предвзятой идеи, что противник, используя свое подавляющее превосходство в силах, начнет войну в Балтийском море энергичным ударом на Петроград.

Только наличием подобной предвзятой идеи можно, по нашему мнению, объяснить взгляд составителей плана на невозможность активных операций в открытом море. В самом деле, только при начале подавляющими силами противника решительных операций

---

[1]) Д. Архива 11489 ст. 4.
[2]) *ibidem* ст. 5.
[3]) *ibidem*.

в самом начале войны слабейший в силах флот утрачивает возможность расчитывать на время и возможные случайности и оказывается вынужденным сосредоточить все свое внимание на отбитии наносимых ударов. В самом деле, при отсутствии подобной предвзятой идеи о неизбежности немедленного и энергичного натиска подавляющих сил противника, не дающих ни мгновения передышки и неотступно, по пятам, преследующих наши силы,— составители плана должны были предусмотреть возможность разного рода благоприятных изменений обстановки и случайностей и подготовка еще в мирное время возможно — благоприятной обстановки для перехода, при удачном стечении обстоятельств, к операциям в открытом море представлялась для них совершенно необходимой, а отказ от такой подготовки—грубо ошибочным.

Таким образом составители плана операций наших морских сил в Балтийском море не только совершенно произвольно приняли за основание наличие в Балтике подавляющих сил германского флота, но, повидимому, столь же произвольно и в тоже время ошибочно положили в основу своих стратегических соображений немедленное начало противником решительного наступления и отказались вследствие этого от подготовки каких бы то ни было активных операций наших морских сил в открытом море вне крайне ограниченной оперативной зоны.

Единственно правильным и целесообразным при возможности, а не только неизбежности появления в Финском заливе подавляющих сил противника следует признать создание позиции и постановку заграждения на линии Кальбодагрунд—Наргэн. Эта мера принята составителями плана в полном соответствии с обстановкой и так как она наиболее соответствовала выполнению поставленной морским силам Балтийского флота задачи и состоянию этих сил в 1914 году, то следует признать, что составители плана произвольно допустив присутствие в Балтийском море подавляющих сил противника и, повидимому, столь же произвольно предположив, что силы противника, подавляющие по величине наши силы, начнут борьбу энергичным и сильным ударом, нацеленным вглубь Финского залива, совершенно правильно наметили основную идею плана операции. Эта основная идея, а именно «идея постановки минного поля между Кальбодагрундом и *N*-ой оконечностью о-ва Наргэн, защищаемого всеми наличными силами нашего флота, развертываемого на центральной и флантовой шхерной позициях» [1]) действительно вполне соответствовала обстановке и план операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны в 1914 г. в этом отношении являлся правильным и приемлемым, но только, подчеркиваем, как один из двух по меньшей мере основных вариантов этого плана. (Был возможен и желателен, если не необходим, и третий вариант, предусматривавший возможность

---

[1]) Д. Архива № 11489 стр. 4.

выступления Швеции и касающийся главным образом операций в Ботническом заливе).

Столь же соответствовала в общем поставленной себе составителями плана задаче и основная идея стратегического развертывания Балтийского флота, намечая которую составители плана стремились: «При намерении противника проникнуть в восточную часть Финского залива к О-ту от меридиана Поркалауда или острова Наргэн, создать для неприятельских сил положение необходимости предварительно уничтожить или форсировать минное поле, выставляемое между Кальбодагрундом и о-вом Наргэн. Все наличные силы Балтийского флота защищают выставленное поле от попыток со стороны противника его уничтожить или ослабить, а в случае форсирования вступают с прорывающимся неприятелем в решительный бой» [1]) и которая выливалась в следующем виде: «Главные силы... по окончании мобилизации сосредоточиваются на центральной позиции, имея базирование на Ревель».

2-ая мин. дивизия и отряд канонерских лодок сосредоточиваются на фланговой шхерной позиции, имея базирование на Свеаборг [2]).

Таким образом в основе план операций был приемлем, как вариант, предусматривающий наличие подавляющих сил противника в Балтийском море.

Однако правильные начала, положенные в основу плана операций, составленного на случай Европейской войны в 1914 году, не проникают во все детали, даже весьма важные этого плана и в последних необходимо отметить целый ряд весьма важных и значительных недочетов.

Прежде всего нельзя не отметить того обстоятельства, что составители плана, кладя в основу последнего постановку главного минного заграждения на линии Кальбодагрунд — о-в Наргэн, предполагая, повидимому, начало военных действий противником в виде сильного удара, нацеленного на Петербург и наносимого подавляющими силами противника и учитывая совершенно исключительное значение своевременной постановки минного заграждения, уделили в плане операций слишком мало внимания мерам, направленным к обеспечению своевременной, в случае необходимости, постановке главного заграждения.

Эти меры имели, однако, слишком важное значение, чтобы ими можно было пренебрегать, а возможность успешного и своевременного проведения их в жизнь в значительной мере была связана с подготовкою мирного времени, чтобы оттягивать их всестороннее обсуждение и подготовку их выполнения до того момента, когда вопрос о проведении этих мер в жизнь будет поставлен на очередь естественным развитием событий.

Между тем эти меры в плане операций не были предусмотрены почти совсем.

---

[1]) Д. Архива № 11489 стр. 5.
[2]) *ibidem.*

В самом деле, возможность своевременной постановки минного заграждения зависила:

а) от своевременности решения приступить к постановке главного заграждения;

б) от быстроты, с какой могла начаться операция постановки по получении соответствующего распоряжения;

в) от технического оборудования и тренировки личного состава, влияющих на быстроту выполнения самой постановки;

г) от быстроты появления неприятельского флота на позиции.

Труднее всего было обеспечить своевременность решения, а следовательно и приказания поставить главное заграждение. С одной стороны вопрос о постановке заграждения весьма легко, на практике, мог стать на очередь до начала, — вернее до объявления войны, с другой—то или другое решение этого вопроса было сопряжено с весьма важными последствиями, было связано с риском в той или другой форме.

Вот как формулирована эта мысль в докладе Морского Министра плана кампании 1912 г.:

«Если заграждение это будет поставлено слишком рано и военные действия не произойдут, то не только нарушится на долгое время мореплавание по Финскому заливу, но и будет израсходован наличный запас мин, возобновить который в быстрый срок не удастся.

С другой стороны, если постановка заграждения запоздает выполнением, то противник сможет появиться на позиции ранее наших заградителей и тем самым недопустит постановки, а значит поставит наш флот в безвыходное положение.

Таким образом, постановка минного заграждения на главной оборонительной позиции флота, нося характер бесповоротного начала военных действий, может не совпасть с началом мобилизации и для своего выполнения потребует отдельного повеления» [1].

К этой формулировке надо еще добавить, что преждевременная постановка заведомо обнаружила-бы основную идею нашего плана операций в Балтийском море и, что имеет еще большее значение— указание на зависимость особого повеления от поведения морских сил противника. В самом деле, при мало мальски натянутых отношениях с Германией появление подавляющих сил германского флота вблизи устья Финского залива должно было бы явиться для нас безусловно угрожающим, так как в этом случае флот противника мог бы появиться на позиции ранее окончания операции постановки минного заграждения. В виду этого уже самое движение подавляющих сил противника по направлению к Финскому заливу должно было создать необходимость незамедлительной постановки заграждения.

При подобных условиях естественно заключить, что самое серьезное внимание составителей плана должно было быть обращено

---

[1]) П. В. Гельмерсен „О плане кампании" 1920 г. стр. 22.

на организацию разведки. Ни на мгновение не упускать из виду неприятельский флот—должно было сделаться основной задачей в этой области. И только удачное решение этой задачи могло разрешить вопрос об обеспечении своевременности постановки главного минного заграждения на позиции Кальбодагрунд — Наргэн.

В этой области величайшее значение должна была иметь рационально и целесообразно организованная тайная разведка. Однако, организуя таковую нельзя было забывать и об организации соответствующей разведки средствами флота. Только рационально оргаганизовав разведочную службу, только создав для нее необходимые средства,—можно было бы расчитывать, что распоряжение о постановке главного заграждения будет отдано и сама постановка закончена до появления на позиции главных сил неприятельского флота, оперирующего в Балтийском море.

При недостаточности в составе флота судов, пригодных для разведки, составители плана должны были предусмотреть способы устранения весьма опасных недочетов в этой области и прежде всего принять во внимание возможность использования для разведочных целей судов коммерческого флота и яхт, предусмотрев способ своевременного получения и изготовления этих судов для несения разведочной службы.

Наконец необходимо признать, что в области подготовки к скорейшему началу, по получении соответствующего распоряжения, постановки главного заграждения составители плана приняли все зависящие от них меры, обеспечив главным образом соответствующую дислокацию наших заградителей.

Что касается технической готовности к возможно быстрой постановке самого заграждения и подготовленности личного состава, то учебные планы морских сил Балтийского моря говорят, что на эту область обучения обращалось должное внимание.

Мы заведомо не упоминаем о прикрытии нашим флотом операции постановки главного заграждения. При слабости наших морских сил в Балтийском море и исходя из предположения, что им предстояло иметь дело с подавляющими силами противника, в каковом предположении составлялся план операций, хотя и не считая такого предположения правильным, мы должны признать, что опущение указаний на прикрытие постановки заграждения более или менее значительными силами, являлось со стороны составителей плана вполне последовательным.

Однако, отказываясь от прикрытия постановки заграждения сколько либо значительными силами составители плана должны были тем большее внимание уделить обеспечению своевременности постановки заграждения до появления на позиции главных сил неприятельского флота и неполнота плана в этом отношении приобретала тем большее значение.

Вторым и весьма значительным недочетом плана операций наших морских сил Балтийского моря следует признать полнейшую

несогласованность плана операций морских сил с оперативными предположениями и планами военного ведомства.

Этот недочет плана операций приобретал особое значение в виду того обстоятельства, что основная задача, поставленная нашему Балтийскому флоту сводилась к обеспечению «мобилизации сухопутных войск Петербургского военного округа, имеющих ближайшей задачей защиту столицы» [1]).

В самом деле, трудно сомневаться, что высшее командование военно-сухопутными силами с своей стороны принимало меры к обеспечению безопасности мобилизации войск Петербургского военного округа и что согласованная работа в этой области армии и флота представлялась существенно необходимой.

В военном ведомстве еще задолго до войны сознали необходимость установления необходимого согласования оперативных предположений армии и флота. По крайней мере, как это видно из справки об установлении единства оперативных соображений военного и морского ведомств за 1906—1912 гг. подписанной вице-адмиралом Ливеном и начальником I оперативной части Морского Генерального Штаба старшим лейтенантом Альтфатером, датированной 20 июля 1912 г. «14-го июня 1910 г. Начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант Гернгросс обратился с письмом к Начальнику Морского Генерального Штаба с ходатайством сообщить в копии высочайше утвержденные основания для планов операций флота на различных морях. Вместе с сим добавлял, что все указания армиям, разработанные Главным Управлением Генерального Штаба будут препровождены в копии Начальнику Морского Генерального Штаба немедленно по удостоении их Высочайшими одобрениями.

На это письмо Начальник Морского Генерального Штаба вице-адмирал Эбергардт приказал ничего не сообщать Начальнику Генерального Штаба впредь до получения оперативных соображений от Главного Управления Генерального Штаба.

Однако, таковых соображений и указаний ни в 1910, ни в 1911, ни в 1912 гг. от сухопутного Генерального Штаба получено не было, почему и со стороны Морского Генерального Штаба в тоже время ничего сообщено не было» [2]).

Эта справка в высшей степени наглядно рисует положение дела. Приказания, подобные данному вице-адмиралом Эбергардт, слишком характерны, чтобы нуждаться в комментариях.

Вот наглядный пример, каковы были следствия такой несогласованности: 4 июля 1912 г. рапортом за № 347 начальник первой оперативной части Морского Генерального Штаба старший лейтенант Альтфатер доложил Начальнику названного Штаба, что все оперативные соображения и расчеты, касающиеся стратегического

---

[1]) Д. Архива № 11489 стр. 4.
[2]) Д. Архива № 188 стр. 222.

развертывания Балтийского флота и его боевых задач имеют в основе своей высочайшее одобрение, но вместе с сим неизвестно, поскольку они являются согласованными с теми задачами, которые возложены на сухопутную армию по обороне государства в случае возникновения Европейской войны.

Между тем необходимость полного согласования оперативных соображений морского и военного ведомств в вопросах государственной обороны представляется первостепенно важной; в настоящее же время положение этого дела является в значительной мере неправильным. С одной стороны морское министерство имеет разработанный им и утвержденный государем императором план операций, в согласии с которым ведется и вся подготовка флота в мирное время, с другой же стороны, поскольку то вероятно, военное министерство имеет также свой план стратегического развертывания армии, в согласии с которым идет развитие сухопутных вооруженных сил и их подготовка мирного времени.

В результате, морское министерство не знает, что будет делать военное в случае войны и наоборот. Можно даже допустить возможность, правда маловероятную, что план подготовки и развития морских сил идет в разрез с таковым же сил сухопутных». Что может быть показательнее подобного документа? [1]).

Такие выражения, как «поскольку то вероятно», в отношении вопроса о наличии у армии своего плана стратегического развертывания или допускаемая, хотя и маловероятная возможность, что «план подготовки и развития морских сил идет в разрез с таковым же сил сухопутных» в высшей степени характерны и показательны.

Поэтому когда мы в плане операций морских сил Балтийского моря читаем простое указание, «что касается сухопутной силы, то развертывание последней в районе операций флота отнесено на северном берегу Финского залива к Выборгу и Новой Кирке, а на южном—к Красному Селу, с авангардными частями в Нарве» [2]) то мы не можем удивляться отсутствию более подробных сведений по столь важному вопросу и явной несогласованности стратегического развертывания армии и флота в районе Финского залива и его побережий.

Затем в плане операций морских сил мы читаем:

«Осенью 1914 г. должны выйти в капитальный ремонт линейные корабли «Слава» и «Цесаревич», утратившие и теперь большую часть боевого значения.

Два крейсера типа «Адмирал Макаров» потребуют к осени довольно серьезного ремонта котельных установок.

Но самым серьезным положением является у нас состояние минных судов, как надводных, так и подводных. Этот род оружия,

---

[1]) Д. Арх. № 188 стр. 234.
[2]) Д. Архива № 11489 стр. 3.

не возобновляемый постройкой в течение 9 лет, выслуживает последние сроки боевого значения, а в большей части почти совсем его утратил» [1]).

Наконец, в не менее тяжелом состоянии находилось и базирование наших морских сил Балтийского моря.

Вот что находим мы по этому вопросу в плане операций:

«Базирование флота остается в том же, совершенно не отвечающем самым ограниченным требованиям, положении.

Оперативные требования вынуждают морские силы базироваться на Свеаборг и Ревель, причем оба эти порта в 1914 году остаются в том же состоянии как и ранее, т. е. не могут обслуживать даже и те бригады, которые в них находятся.

Важнейшим недостатком оперативных баз Балтийского флота является их слабая защита, и даже полное отсутствие фортификационных сооружений, неимение дока, погрузочных приспособлений и плавучих средств для быстрой мобилизации, и в частности для снабжения судов топливом» [2]).

Приводя эти данные отметим только, что чем слабее фортификационная защита, тем необходимее живая сила. Между тем при почти полной беззащитности Ревеля и Гельсингфорса, отмеченной составителями плана, живая сила армии, что также, как мы видели, было ими отмечено, развертывалась у Выборга, Новой Кирки, Красного Села и Нарвы. И составители плана отметив и то, и другое, не сделали из этого необходимого вывода о ненормальности такого положения.

Таким образом разбирая план операций наших морских сил Балтийского моря мы должны признать:

1) Что означенный план предусматривал лишь частный случай, а потому должен был бы явиться только одним из вариантов. При отсутствии же других вариантов он не обезпечивал нашей готовности к войне в Балтике.

2) Что как вариант этот план по своей основной идее мог быть признан более или менее удовлетворительным.

3) Что в деталях, и притом весьма важных, этот план был совершенно не разработан или разработан в значительной мере ошибочно, наконец, 4) что в виду всего вышеизложенного он совершенно не удовлетворял своему назначению и не мог считаться обезпечивающим готовность флота к войне.

Рассмотрев теоретически качества плана операций, рассмотрим, как вылился этот план операций на практике. Посмотрим, как недочеты и ошибки плана операции отразились на ходе военных действий.

Прежде всего, как стало ясным в первые же дни войны,

---

[1]) Д. Арх. № 11489 стр. 2.
[2]) Д. Арх. № 11489 стр. 3.

поведение противника оказалось совершенно иным, чем предполагали составители плана.

Германия не начала военных операций решительным ударом на Петербург, как ожидали составители плана. Затем вмешалась Англия и стало совершенно ясным, что тот вариант плана операций, который был составлен и положен в основу всей подготовки к войне наших морских сил Балтийского моря, не был тем, который оказался необходимым в действительности.

В результате, в рапорте Командующего флотом Балтийского моря Главнокомандующему VI армией и Балтийским флотом от 18 сентября 1914 г., 19/к. о. мы читаем:

«В предписании Главнокомандующего VI армией и Балтийским флотом Командующему флотом Балтийского моря от 18 июля с. г. за № 1, предлагается руководствоваться высочайше одобренным 17 июля 1912 г. планом операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны».

«Этот план, разработанный Штабом Командующего Морскими Силами, имел в основании совершенно определенную политическую и стратегическую обстановку, в которой участие Англии на нашей стороне не предполагалось, почему германский флот имел возможность развить свои операции в Балтийском море в полной мере, чем исключалось всякое активное выступление нашего флота.

Участие Англии в настоящей войне и почти 2-х месячный период в течение которого германский флот не предпринимал никаких активных операций против нашего флота, совершенно изменили стратегическую обстановку на театре Балтийского моря и дали возможность расширить оперативную зону нашего флота, выдвинув ее за пределы Финского залива и, укрепив Моонзунд, развить операции в Рижском заливе» [1].

В рапорте же Начальника Штаба Главнокомандующего VI армией Начальнику Штаба при Верховном Главнокомандующем от 31-го августа 1914 г. за № 168, между прочим говорится: «Выяснив достаточно определенно за первый месяц войны отсутствие намерений у противника начать операции в Финском заливе и желая обеспечить насколько возможно западную часть залива, командующий флотом решил изменить развертывание минных судов и подводных лодок, вынеся их базы к устью залива. Действительно, оперативный план, имея в виду борьбу с подавляющими силами германского флота, совершенно определенно предвидел границу оперативной зоны нашего флота, ограниченной с веста приблизительно меридианом Оденсхольма или Лапвика, т. е. флангом подготовленной шхерной позиции. [2])

Исследуя приводимые отрывки мы видим, что:

1) Само командование флотом признало, что план операций

---

[1]) д. Арх. № 7010, стр. 18.
[2]) д. Арх. № 70 стр. 11.

морских сил Балтийского моря, утвержденный 17-го июля 1912 г., был составлен в предвидении совершенно определенной политической и стратегической обстановки, характеризуемой: а) тем, что участие Англии на нашей стороне не предполагалось и б) тем, что предстояла борьба с подавляющими силами противника и, наконец, до известной степени, в) тем, что противник должен был по предположению составителей плана, начать борьбу решительными операциями в Финском заливе.

2) Само командование флотом признало: а) что предположенная совершенно определенная политическая и стратегическая обстановка в отношении Англии и ее в лучшем случае нейтралитета, не соответствовала действительности и Англия выступила против Германии, б) что выступление Англии связало свободу действий германского флота, в) что противник не обнаружил намерения начать активные операции в Финском заливе, г) что план операций, в частности стратегического развертывания нашего флота оказался не отвечающим создавшейся обстановке, равно как не соответствовала ей и намеченная оперативная зона, д) что потребовалось изменить стратегическое развертывание, расширить оперативную зону и изменить план операций.

Вот в этом случае и в этот момент сказалось, как грубо ошибочно и недопустимо легкомысленно было ограничиться в Балтийском море лишь одним планом операций, предусматривавшим лишь одну возможную, быть может даже, по мнению составителей плана, наиболее вероятную обстановку, а не разработать по меньшей мере двух вариантов плана (один, когда соотношение сил и активность противника исключает для нас возможность активных действий и другой—для случая, когда наш флот имеет возможность развить активные операции). А отсутствие второго варианта сказалось очень и очень чувствительно в том, что когда первый, имевшийся, вариант оказался не отвечающим обстановке, сложившейся в действительности, наш флот внезапно оказался без плана операций, неподготовленным к борьбе в изменившихся условиях, вынужденным к ней готовится в порядке импровизации.

В результате уже во время войны пришлось начать изучать новую оперативную зону, обследовать фарватеры, укреплять позиции (Моонзунд, Або-Аланд и т. п.), импровизировать базы и наконец разрабатывать планы активных операций и готовить для них необходимые средства.

Все это в совокупности слишком показательно для нашей действительной неготовности к войне. Мы не будем повторять, что и при сочувственном нейтралитете Англии германцы, по нашему мнению, могли столь же легко сосредоточить свои силы против Франции, а не России, что вмешательство в войну Англии было слишком вероятным, чтобы возможность его можно было исключать и т. п. Все это мы указали выше.

Предостережем только против критики плана первоначального стратегического развертывания наших морских сил в Балтике.

Эта часть плана операций, несмотря на то, что план операций в целом оказался совершенно несоответствующим обстановке должна быть признана составленной правильно. В самом деле, считаясь с необходимостью прежде всего безопасности, выполнения операции первоначального стратегического развертывания, составители плана операций, при решении вопроса о районе, первоначального стратегического развертывания наших морских сил, должны были учесть наименее благоприятную обстановку, т. е. начало военных действий решительным ударом морских сил противника нацеленным в восточную часть Финского залива, как они в действительности и поступили. Но разработав лишь один вариант плана операций, составители плана предусмотрели только первоначалное развертывание наших морских сил в Балтике, не предусмотрев возможности переноса как района развертывания морских сил, так и оперативной зоны нашего флота к западу и не подготовив такой перенос. В этом заключается основная неправильность плана операций морских сил в Балтийском море в случае Европейской войны.

Вообще, не только с точки зрения первоначального развертывания, но и по основной идее план операции, рассматриваемый как вариант, должен быть признан вполне удовлетворительным. Однако, этого совершенно нельзя сказать о деталях, даже наиболее значительных плана операций.

Основным вопросом, с каким приходилось иметь дело, по плану операций, в первые же дни вооруженной борьбы был, как мы видели, вопрос о постановке главного минного заграждения на центральной позиции. Своевременное и успешное выполнение этой операции в значительной степени должно было предопределить исход дальнейшей борьбы за обладание восточной частью Финского залива и подступами к Петербургу. Между тем этот вопрос далеко не являлся легко разрешимым. Особенно осложняло его то обстоятельство, что даже в период весьма значительной натянутости политических отношений необходимо было до самого последнего момента воздержаться от постановки заграждения, а с другой — опоздание в этом вопросе являлось совершенно недопустимым.

Для возможности постановки минного заграждения в последний момент, но в тоже время без риска опоздать, необходимо было, как мы уже отмечали, ни на одно мгновение не упускать из виду в период натянутых отношений германский флот.

Посмотрим, на основании документов, в какой степени это требование было удовлетворено на практике.

Прежде всего главным источником сведений в разбираемом вопросе должна была явиться правильно организованная и искусно руководимая и используемая тайная разведка.

И вот, переходя к документам, мы видим:

В сношении Начальника Морского Генерального Штаба адресованном Командующему Морскими Силами Балтийского моря от 13-го июля за № 3/0 имеется следующее указание о деятельности нашей тайной разведки:

«Сведения тайной разведки в Германии пока имеются лишь 10 дней назад—все было спокойно. О новых сведениях срочно запрошены агенты и эти сведения немедленно будут сообщены вам» [1]).

Хороша агентура, если при наличии общей военно-политической обстановки, имевшей место в Европе в начале европейского кризиса, Морской Генеральный Штаб был вынужден запрашивать своих агентов.

В сношении адмирала Русина адресованном адмиралу Эссену, датированном следующим числом, за № 6/0, сообщается, что: «В последних германских газетах каких либо указаний на большое движение флота не содержится; от наших агентов нет никаких сведений о передвижении германского флота [2]).

Таким образом Морскому Генеральному Штабу и 14-го июля не удается получить от своих агентов сведений по наиболее важному и интересующему флот вопросу и приходится довольствоваться газетными данными, по существу не имеющими почти никакой цены.

При таких условиях, когда тайная разведка не давала никаких сведений, особенно важное значение приобретала надлежащая организация разведочной и дозорной службы.

Начальник оперативного отделения Штаба Командующего Флотом Балтийского моря в письме от 21-го июля, адресованном капитану 2-го ранга Альтфатеру, состоявшему при Штабе Главнокомандующего VI армии, пишет: «Мы совершенно лишены сведений о противнике. Разведке нашей цена 0. Она ничего путного не дает. Точно также командующий не имеет даже политической ориентировки, а насколько она важна поясню примером. Мы не знаем начала ли войну Англия и поскольку связан германский флот английским» [3]).

Как можно усмотреть из изложенного, Командование Балтийским флотом не только не получало необходимых сведений от разведки, но даже было лишено политической ориентировки.

Впрочем. это последнее обстоятельство легко может быть объяснено отсутствием серьезной ориентировки в Петрограде.

В самом деле, 17-го июля, например, Начальник Морского Генерального Штаба телеграфирует Командующему Морскими Силами Балтийского моря за № 493.

«По полученным достаточно достоверным сведениям 12-го сего июля между Германией и Швецией заключено соглашение. Поэтому Швецию надлежит считать нашим вероятным противником» [4]).

В весьма секретном письме Начальника Морского Генерального Штаба адмиралу Эссену, датированном следующим числом и посланном «Для личного сведения», Начальник Морского Генерального

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 3.
[2]) Д. Арх. № 7183 стр. 13.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 121.
[4]) Д. Арх. № 7183 стр. 48.

Штаба высказывает взгляд, что политическое положение за истекшие сутки «значительно улучшилось», шансы на мир значительно возросли т. к. Германия «повидимому» «рассчитывала» на нашу уступчивость, почему с своей стороны была несговорчива и поддерживала Австрию. Увидав же, что мы не шутим, в серьез мобилизуемся, дрогнула пошла на разговоры. У меня сложилось впечатление, что Германия воевать не хочет и политическое спокойствие восстановится, хотя конечно будут впереди еще крайне острые моменты переговоров» [1]).

Подобные сообщения, естественно, не являлись той определенной, точной и самое главное соответствующей действительности ориентировкой в общей политической обстановке, которая необходима была флоту, не подготовленному, к использованию какой бы то ни было обстановки, отличной от той, которая была положена в основу его плана операций и всей подготовки к войне в Балтийском море.

Возвращаясь собственно к разведке, приведем выдержку из сношения Командующего флотом с Начальником Морского Генерального Штаба от 23-го июля: «Страдаем отсутствием сведений где и что делает германский флот, тоже и шведский, также вероятный противник... Не имеем быстроходных судов для разведки. Один «Новик», но и тот без нефти—одно горе» [2]).

Таким образом Командование Балтийским флотом оказалось совершенно лишенным сведений о возможном и уже выяснившемся противнике. Конечно этот факт прежде всего свидетельствует о несоответствующей организации тайной разведки, о которой адмирал Эссен в только что цитированном сношении пишет: «Очень прошу организовать негласную разведку в широких размерах, а то мы слепы и из за этого является излишняя нервность, жгем зря уголь и не имеем отдыха» [3]).

Однако, если организация тайной разведки являлась главным образом задачей Морского Генерального Штаба, то жалоба на недостаток или вернее отсутствие нефти для единственного быстроходного разведчика говорит о неготовности к войне в области, в значительной степени находившейся в ведении командования флотом. И когда Эссен 16-го июля пишет Русину: «Страдаем от недостатка воды. Водолеев не хватает. Нельзя-ли в Петербурге приобрести какую нибудь подходящую баржу... Необходимо организовать скорейшую доставку нефти для Новика. Жжет много, а запасов в портах нет. В Лапвике угля мало» [4]), то невольно приходит в голову, что все это должно было бы быть предусмотрено и организовано заранее, а не накануне открытия военных действий.

---

[1]) Сборник № 1 Военно-Морск. комиссии по обследованию и использованию опыта войны 1914—18 г. г. на море стр. 27.
[2]) 5. Арх. № 7183 стр. 171.
[3]) 5. Арх. № 7183 стр. 172.
[4]) Д. Арх. № 7183 стр. 28.

что все это весьма и весьма важные дефекты в нашей подготовке к войне на Балтийском море.

Ни Морской Генеральный Штаб, ни Командование Морскими Силами Балтийского моря не предусмотрели своевременно необходимости усиления разведочных средств флота приспособленными для целей разведки коммерческими судами и других мер, могущих повысить действительность нашей разведочной службы на Балтийском море.

Только 13-14 июля 1914 года, в связи с возникшим кризисом, Командующий Морскими Силами и Начальник Морского Генерального Штаба начинают обсуждать некоторые меры в этом направлении и между прочим организацию разведки при посредстве приспособленных для ведения ее пароходов и искать подходящие пароходы.

13-го июля Начальник Морского Генерального Штаба №—ом 3/0 сообщает Командующему Морскими Силами Балтийского моря, что «Министр разрешил зафрахтовать пароходы для разведки; я поручил это дело капитану 1-го ранга Пилкину, который даст сегодня более или менее определенный ответ. Сейчас в Петербурге имеется лишь один пароход с беспроволочным телеграфом-германский «Принц Эйтель-Фридрих», он не годится; поэтому поручил Пилкину подыскать вообще пароходы (английские, норвежские или французские), пригодные для разведки, на коих можно бы было установить радиостанции из числа готовых. Подробно сообщу по этому вопросу дополнительно» [1]), а № 4/0 дополнительно сообщает, что предположено использовать для целей разведки пароходы Восточно-Азиатского общества, что «сейчас неизвестно сколько из них находится в наших портах, но все наличные будут зафрахтованы» [2]).

Несомненно, что все подобные меры только тогда целесообразны, когда подготовлены заранее, когда определенно известно, если не какие именно, то каких типов и чьи суда в какое время и где поступят в распоряжение флота; когда все приспособления, необходимые для использования этих судов по новому назначению подготовлены и определенно известно чьим распоряжением, в каком месте и какими средствами производится их оборудование и снабжение; наконец, когда точно также всесторонне предусмотрен вопрос об их укомплектовании личным составом. Мы не говорим уже о том, что сама оперативная сторона их службы должна быть всесторонне предусмотрена, в плане операций. При отсутствии же указанных данных и при организации всего дела без всякой подготовки в мирное время, а в порядке импровизации, очень трудно рассчитывать на успех.

В еще большей степени, конечно нуждались в предварительном серьезнейшем и всестороннем рассмотрении и самой тщательной

[1]) ДАрх. № 7183 стр. 4.
[2]) ДАрх. № 7183 стр. 5.

подготовке еще в мирное время такие меры, как проэктированная адмиралом Эссеном в самый критический момент посылка офицеров на судах, ходящих в Германию, не без основания встретившая критическое к себе отношение со стороны Начальника Морского Генерального Штаба, признавшего ее «очень трудно осуществимой», по следующим соображениям, высказанным в сношении адмирала Русина от 13-го июля за № 3/0: «пароходов таких мало и результат едва-ли может получиться удовлетворительный, так как немцы наших офицеров захватят, что может даже создать нежелательное осложнение. Полагаю однако возможным установить связь через капитанов комерческих судов, ходящих в Германию; конечно, больших результатов от этого ждать нельзя, но все же в этом направлении мною принимаются меры»[1]).

В этом случае с адмиралом Русиным можно согласиться. Организовывать подробную разведку при отсутствии заблаговременной подготовки и очень трудно, и почти бесполезно, так как она не успеет уже дать сколько либо ценных результатов.

Впрочем, это касается не только разведки, но даже просто сторожевой и контрольной службы в своих водах. Так Начальник Штаба Эссена в письме от 17-го июля писал: «У нас в Гельсингфорсе ощущается страшный недостаток в плавучих средствах всякого рода, главным образом в буксирах. Страшно неопределенно положение о передаче нам таможенных пароходиков, а без подобных судов мы как без рук, некому следить в шхерах за навигацией. Миноносцы требуют отдыха на день, а этому препятствует служба по наблюдению за внутренними фарватерами в течении дня. Шныряет между тем много немецких яхт парусных и моторных без телеграфа и с искровым телеграфом» [2]).

При подобной организации или вернее при подобном отсутствии организации военно-морского контроля в собственных водах можно ли было думать о рационально и широко организованной разведке в водах противника при отсутствии плана, средств и какой бы то ни было подготовки мирного времени.

Одна сплошная импровизация.

При отсутствии доверия к разведке и при ее неорганизованности, которая несомненно не могла являться тайной для Морского Генерального Штаба и Командования Балтийским флотом, а также при существовавшей на Балтийском море стратегической обстановке, особо важное значение должны были иметь активные операции, направленные к замедлению операций возможного противника и к устранению даже возможности появления его в районе главной позиции ранее, чем главное заграждение будет совершенно закончено постановкой.

Мы уже отмечали, что составители плана операций урских сил Балтийского моря на случай Европейской войны слишком

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 4.
[2]) Д. Арх. № 7177 стр. 51.

узко посмотрели на свою задачу и наметив основную идею плана операций и важнейшей, бесспорно, операции, совершенно пренебрегли операциями, хотя также имеющими весьма важное значение, но не могущими выдержать сравнения в этой области с основной и важнейшей.

Однако, необходимость некоторых активных операций с особой наглядностью почувствовалась в исследуемые нами июльские дни 1914 года. И вот, 14-го указанного июля, Начальник Штаба Командующего Морскими Силами Балтийского моря сношением за № 2/к.о. сообщил Начальнику Морского Генерального Штаба о желательности послать в подходящий момент коммерческий пароход «ко входу в Кильскую бухту, где и забросать выход, вернее поставить мористее выхода минную банку а затем затопить его тут же поблизости» [1]).

Отвечая на это сношение Начальник Морского Генерального Штаба 15-го июля сообщил Командующему Морскими Силами Балтийского моря, что, по его мнению: «операция эта едва-ли может дать хорошие результаты, ибо, несомненно, у германцев будут приняты все меры охраны Кильской бухты» [2]).

Между тем как раз в тот же день Командующий Морскими Силами Балтийского моря в сношении на имя Начальника Морского Генерального Штаба сам возвращается к этому плану: «Мне пришла мысль о возможности в нужную минуту заграждения входа в Кильскую бухту минами, конечно при условии, что война будет неизбежна, так как такое действие само по себе может сделаться *casus belli*. Для этой цели следует организовать такого рода экспедицию: приобрести самый обыкновенный грузовик для которого следует изготовить подложные заграничные бумаги. Пароход по уши загружается лесом, а внутри устраиваются помещения для мин заграждения... ночью подойдя ко входу в Киль выбрасывает свои мины и уходит в Бельт... Подобрать командира и команду будет не трудно, всякий охотно пойдет на такую авантюру» [3]).

Действительно, операцию, проэктировавшуюся таким образом и при наличии существовавшей в то время обстановки, Командование Морскими Силами Балтийского моря, только и могло назвать авантюрой и предпринимаемой в наименее благоприятных условиях полнейшей импровизации, а не подготовленной и продуманной операцией. Все необходимо было искать, импровизировать, начиная от парохода и подложных заграничных бумаг и кончая командиром и командой. При этом, не сомневаясь в значительном количестве желающих предпринять подобную операцию, мы не считаем столь простым и легким нахождение не только желающего, но и подготовленного для выполнения подобной операции командира.

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 8.
[2]) Д. Арх. стр. 7183 стр. 18.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 19.

Поэтому в данном случае мы вполне разделяем пессимистическую точку зрения Начальника Морского Генерального Штаба на возможность успешной организации и конечного успеха подобной экспедиции. Конечно, если бы подобная операция была бы задумана, всесторонне разработана и подготовлена еще в мирное время, тогда имелись бы более или менее значительные шансы на успех. Но при составлении плана операций об этом не думали. В результате правильная по идее мысль Командования нашими морскими силами Балтийского моря о желательности активных операций для возможной задержки операций германского флота, нацеленных в восточную часть Финского Залива, только благодаря тому, что она не возникла своевременно, в мирное время и не была предусмотрена в плане операций, не смогла уже в военное время дать тех результатов, на которые можно было бы рассчитывать при других условиях.

Между тем операции в этом направлении дали бы широкий выход духу активности и инициативы при составлении плана операций.

Таким образом Командующему Морскими Силами Балтийского моря, при вступлении в командование флотом, пришлось с одной стороны убедиться в полной неудовлетворительности разведки, а с другой в невозможности задержать противника в его движении к главной позиции операциями непредусмотренными, а потому и неподготовленными в мирное время.

При наличии подобной обстановки адмирал Эссен все свои усилия направил к тому, чтобы не опоздать поставить главное заграждение на центральной позиции.

Как мы уже видели, Морской Министр в свое время испрашивал указание о постановке главного заграждения по особому повелению. В самом же начале кризиса вопрос «об определении момента постановки главного минного заграждения» был подвергнут 12-го июля, среди других вопросов, обсуждению совещания, имевшего место в Красном Селе под председательством Николая II и в результате этого совещания было постановлено: «Постановку главного заграждения выполнить по особому повелению, теперь же иметь все в полной готовности и зорко следить за всем».

Об этом постановлении Командующий Морскими Силами был осведомлен Начальником Морского Генерального Штаба в тот же день сношением за № 1/0 [1]).

Однако, под влиянием весьма быстрого развития политических событий, Морской Генеральный Штаб уже 14-го июля испрашивал повеления Командующему Морскими силами Балтийского моря: «выполнить постановку главного минного заграждения в случае обстоятельств явно угрожающих, не выжидая особого на сие повеления», мотивируя это тем, что своевременная постановка отрядом заградителей главного минного заграждения на центральной

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 2.

Ревель-Поркалаудской позиции является важнейшей операцией плана операций Балтийского флота на случай Европейской войны [1].

Со своей стороны адмирал Эссен также в значительной мере тревожился создавшимся положением.

15-го июля он высказывает опасение и предупреждает Начальника Морского Генерального Штаба: «Есть опасения не продвинулась ли германская эскадра на Готланд (Есть на севере бухта вроде нашего Тагалахт). Разведка пароходами может это обнаружить... Во всяком случае присутствие германского флота столь близко может быть для нас гибельно, так как не успеем поставить заграждение» [2].

17-го июля адмирал Эссен, в связи с развитием событий, телеграфирует Морскому Министру: «Считаю необходимым теперь же поставить заграждение» [3].

18-го июля, считая положение критическим, Командующий флотом срочно телеграфирует Морскому Министру: «Прошу сообщить о политическом положении. Если не получу ответа сегодня ночью, утром поставлю заграждение» [4] и в тот же день получает телеграмму Главнокомандующего за № 1: «Разрешено поставить главное заграждение» [5].

Повидимому, это разрешение в значительной мере явилось результатом «справки» капитана 2-го ранга Альтфатера от 18-го того же июля, в которой между прочим сказано следующее: «почти весь германский флот мобилизуется в Киле и может выйти в море утром 17-го сего июля (ранний срок); считая, что эскадренный ход германского флота может быть принят, с достаточною точностью, в 16 узлов, расстояние от Киля до центральной позиции, равное 600 миль, может быть пройдено в $37^1/_2$ часов; следовательно, если германский флот войдет из Киля утром 17-го июля, то к полдню 18-го июля он войдет в Финский залив и через 4 часа может быть у позиции. Имея в виду, что для постановки главного минного заграждения необходимо около 6 часов, то для уверенности в своевременной постановке заграждения безусловно необходимо выполнить эту операцию немедленно, для чего необходимо срочно послать распоряжение Командующему Морскими Силами Балтийского моря».

Основанием для заключения о мобилизации германского флота в Киле послужила телеграмма военно-морского агента в Копенгагене старшего лейтенанта Безкровного о том, что: «16-го вечером в Киле находилось 6 дредноутов, 6 броненосцев, 1 крейсер дредноут, 10 легких крейсеров, 14 миноносцев, все корабли грузят уголь и провиант» [6].

---

[1] Д. Арх. № 7183 стр. 7.
[2] Д. Арх. № 7183 стр 20.
[3] Д. Арх. № 7183 стр. 44.
[4] Д Арх. № 7183 стр. 58.
[5] Д. Арх. № 7183 стр. 59.
[6] Д. Арх. № 7183 стр. 64.

Заграждение было поставлено.

О поставленном заграждении флаг-капитан по оперативной части 21 июля писал капитану 2 ранга Альтфатеру: «Командующий приказал, чтобы нигде не смели ставить ни одной мины, без его ведома. Помилуйте ведь и так от них не продохнешь у нас на центральной позиции. Мы здесь соорудили нечто умопомрачительное. Экономическое развитие побережий Финского залива и его портов будет остановлено на несколько лет [1])».

В это время Начальник Морского Генерального Штаба в весьма секретном письме Командующему флотом от 18-го июля писал: «У меня сложилось впечатление, что Германия воевать не хочет и политическое спокойствие восстановится, хотя конечно будут впереди еще крайне острые моменты переговоров. Считал бы возможным ограничиться поставленным уже минным заграждением и больше уже не ставить, а даже, пользуясь днями штилей понемногу и осторожно исподволь поднимать мины, хотя в отношении мин еще рано об этом говорить [2])».

Однако оптимизм Начальника Морского Генерального Штаба не разделялся другими старшими начальниками и в период, который главным образом объемлется нашей работой, мы многократно видим общее и вполне определенное стремление усиливать нашу позицию в Финском заливе постановкою минных заграждений, так что Командующему флотом пришлось призывать и настаивать, чтобы «нигде не смели ставить ни одной мины без его ведома [3])».

Уже 16-го июля Главный Командир Кронштадтского порта адмирал Вирен сообщает, что: «Комендант крепости сообщил мне, что по приказанию Главнокомандующего он приказал ставить некоторые мины (неопасные для судов) и просил меня прислать офицера для выработки правил прохождения... Где и сколько мин поставлено мне неизвестно и Комендант крепости не дает плана адмиралу Эссен, который пока не знает, где они поставлены [4])».

19 Июля Начальник Штаба Главнокомандующего генерал—лейтенант Гулевич телеграфировал адмиралу Эссен: «Главнокомандующий находит своевременным приступить к заграждению Биорке».

На эту телеграмму Эссен ответил 20-го июля телеграммой: «До выяснения результата боя на центральной позиции считаю вредным ставить заграждение в тылу [5])».

И одновременно писал Альтфатеру: «Доложите Главнокомандующему: прошу в Биорке и вообще в тылу позиции не ставить ни одной мины без моего ведома, надобности нет [6])».

Тут более, чем наглядно, сказываются результаты несогласованности еще в мирное время взглядов и действий в области

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 122.
[2]) *ibidem*.
[3]) *ibidem*.
[4]) Д. Арх. № 7183 стр. 70.
[5]) Д. Арх. № 7183 стр. 82.
[6]) Д. Арх. № 7183 стр. 84.

подготовки к войне старших военно-морских начальников и таковых же военных. Однако, это, тем не менее, только частный вопрос. Несогласованность же взглядов, проникая во все отрасли и детали подготовки неизменно давала и неизбежно должна была дать соответствующие результаты.

Прежде всего сказалась эта несогласованность взглядов и подготовки армии и флота в области первоначального стратегического развертывания.

При составлении плана операций морских сил Балтийского моря, составители означенного плана, как мы видели признали вполне естественным и нормальным ограничиться в плане одной отметкой о том, что военно-сухопутные силы развертываются на северном берегу Финского залива у Выборга и Новой Кирки, а на южном—у Красного Села с авангардными частями в Нарве [1]), в то время как развертывание флота было вынесено на запад на линию Ревель—Гельсингфорс.

Но как только начала чувствоваться близость войны и невольно пришлось посмотреть серьезнее на вопросы связанные с военной готовностью, этот вопрос стал на очередь.

12-го Июля «на заседании в Красном Селе под председательством Государя, Морской Министр доложил нижеследующую записку составленную 11-го июля совместно с Командующим Морскими Силами: «...7) о сосредоточении 23 пехотной дивизии в Ревеле и 1-й финляндской стрелковой бригады к Гельсингфорсу» [2]).

16-го Июля телеграммой за № 125 Комендант Морской Крепости Императора Петра Великого сообщил Начальнику Морского Генерального Штаба, что: «По мобилизации 23 дивизия действует по плану 1910 года занимает берег Балтийского моря, оставляя в Ревеле недостаточную часть для охранения баз складов. Прошу оставить 3 полка в Ревеле» [3]).

20-го Июля Командующий Балтийским флотом телеграфировал Главнокомандующему: «Ввиду ухода пограничной стражи с о—ва Эзель и нахождения там весьма важной авиационной станции морского министерства прошу об оставлении там находящихся частей пограничной стражи, сосредоточив их в Кильконде с подчинением начальнику воздушного района [4]).

На следующий день адмирал Эссен писал капитану 2-го ранга Альтфатеру: «Очень вас прошу теперь воздействовать на сухопутную часть дабы она двинула нам на поддержку значительные силы. Мы оборудовали свою позицию, но ее фланги у сухопутных особенно правый и если они там ничего не будут иметь, то удержаться нам будет трудно» [5]).

---

[1]) Д. Арх. № 11489 стр. 3.
[2]) Д. № 7183 стр. 1.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 34.
[4]) Д. Арх № 7183 стр. 81.
[5]) Д. Арх. № 7183 стр. 122.

Чтобы правильно оценить все эти телеграммы и сношения, необходимо учесть:

1) Что все те потребности, для срочного удовлетворения которых делались все вышеуказанные сношения и посылались телеграммы, могли быть предусмотрены заранее и введены в план операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны.

2) Что некоторые из этих телеграмм возбуждали вопросы, которые для пользы дела необходимо было предусмотреть и урегулировать заранее, как, например, вопрос о подчинении частей пограничной стражи на о-ве Эзель начальнику воздушного района.

3) Что возбуждение всех этих вопросов в период мобилизации и выполнения стратегического развертывания и постановка таких требований, как о выдвинутии на поддержку флота значительных сил (сухопутных), об оставлении в Ревеле 23-й пехотной дивизии и т. п. явно показало, что высшее командование нашими морскими силами совершенно не считалось с тем, что эти запоздавшие требования в значительной степени, в случае их удовлетворения, сбивали план стратегического развертывания армии и не могли не отразиться на перевозках как мобилизационных так и первоначального стратегического развертывания.

4) Что задачей Морских Сил Балтийского моря было обезпечение безопасности (т. е. планомерности и порядка) мобилизации армии.

5) Что при подобной постановке задачи нашим Морским Силам Балтийского моря командование ими могло не сомневаться при своевременном возбуждении вышеуказанных вопросов, в самом широком содействии со стороны армии, и, наконец,

6) Что следовательно все эти вопросы должны были быть возбуждены не в период мобилизации и стратегического развертывания, а заблаговременно.

Учтя же вышеизложенное, нам кажется естественным придти к выводу, что в этой области (согласования действий армии и флота) план операций совершенно не отвечал самым скромным требованиям. Необходимость в момент мобилизации и стратегического развертывания вносит в соответствующие планы коррективы, вызванная причинами вполне могущими быть учтенными заранее, является наиболее ярким и полным показателем неготовности к войне. И когда, уже 21-го июля Начальник Оперативного Отделения Штаба в письме капитану 2-го ранга Альтфатеру, пишет о том, что: «Надо согласовать в стратегическом отношении развертывание флота с 22-м корпусом [1])»—странно читать столь не своевременное признание, вышедшее из под руки человека, непосредственно стоявшего у оперативного дела и не сознавшего, что время для согласования уже прошло, что наступило время исправлять

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 121.

ошибки допущенные в стратегическом развертывании каковые по заключению Мольтке, имеют столь серьезное значение, «что едва ли могут быть исправлены в течении кампании».

Несогласованность подготовки военно-сухопутных и военно-морских сил с значительной наглядностью проявлялась и в других областях.

Так, в сношении Начальника Морского Генерального Штаба адресованном Командующему Морскими Силами Балтийского моря от 15-го июля 1914 года за № 7/0, адмирал Русин просит: «послать офицеров в Кронштадтскую крепость и на форты Ино и Красную Горку.., ибо на батареях этих нет офицеров, могущих распознать наши суда от неприятельских [1])».

Эще раньше, а именно 15-го июля Начальник Штаба Главнокомандующего телеграфировал Начальнику Морского Генерального Штаба за № 2708:

«Комендант Выборгской крепости доносит о невозможности выполнения для него организации брандвахтенной и наблюдательной службы ввиду отсутствия в его распоряжении военных судов.

В 1904 году согласно распоряжения Главного Морского Штаба в распоряжение Коменданта Выборгской крепости было назначено 5 миноносцев и пароход «Славянка» для несения наблюдательной службы.

По приказанию Главнокомандующего ходатгайствую:

1) О назначении в распоряжение коменданта Выборгской крепости хотя бы 2-х военных судов;

2) О командировании в его же распоряжение одного офицера флота с опознательными сигналами для сношения с флотом.

Сверх того прошу о сообщении сделанных распоряжений, касающихся до выставления минных заграждений в преливе Бпорке зунд, которое выставляется распоряжением Морскго Ведомства» [2]).

Наконец, чтобы дополнить общую картину нашей неготовности мы процитируем еще несколько выборок из переписки, имеющейся в делах Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 г, г., не вдаваясь в детальные их коментарии и считая, что по большей части привооимые нами цитаты слишком нагляоно говорят сами за себя.

Прежде всего большой интерес представляет переписка старших морских начальников в первые дни европейского кризиса и войны.

12-го июля 1914 года Начальник Морского Генерального Штаба пишет Командующему Морскими Силами Балтийского моря за № 1/0; «Военное положение в крепости Императора Петра Великого по-видимому можнг будет объявить с объявлением мобилизации Балтийского флота» [3]).

---

[1]) Д. Арх № 7183 стр. 18.
[2]) Д. Арх. № 7177 стр. 22.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 3.

Как характерно звучит это «повидимому» в вопросе, который несомненно мог бы быть всесторонне рассмотрен и разрешен еще в мирное время. Как характерна для нашей неготовности к войне эта необходимость обсуждения и разрешения в последний момент вопросов, которые должны были быть предусмотрены и разрешены заблаговременно.

Что отмеченный нами факт не является случайностью показывает вопрос, возбужденный означенным старшим Начальником в его следующем сношении с Командующим Морскими Силами Балтийского моря от того же 12-го июля за № 2/0, в котором мы читаем: «Слушатели старшего класса Академии пойдут в Морской Генеральный Штаб; благоволите указать поименно, кого из них желательно вам оставить в своем распоряжении [1]).

Командующий Морскими Силами Балтийского моря также вынужден уделять внимание этому вопросу, что видно из его сношения, адресованного Начальнику Морского Генерального Штаба от 16-го июля, когда европейский кризис развернулся почти во всем своем объеме и значении: «Протестую против назначения офицеров академиков Балтийского флота в Черное море, т. к. у нас каждый офицер дорог» [2]).

Как характерно это распределение офицеров уже в момент кризиса. Как характерен приводимый «протест» адмирала Эссена по вопросу, по которому, несомненно, заблаговременно уже должно было быть достигнуто определенное соглашение и принято определенное решение. Как все это далеко от полной готовности к войне, при наличии которой в указанный момент начала выполнения всесторонне продуманных и подготовленных операций все выполняется почти автоматически.

Просматривая дальнейшую переписку, мы еще более убеждаемся в отсутствии этой готовности в деталях подготовки к войне подобно тому, как раньше мы установили почти полное отсутствие готовности в области оперативных предположений.

В сношении адмирала Русина на имя адмирала Эссена от 13 того же июля за № 3/0, мы читаем: «В ответ на телеграмму № 396 посылаю при сем германский сигнальный свод. Он в единственном экземпляре, поэтому было бы очень желательно, если бы Вы нашли возможным размножить его в потребном для Вас числе, а подлинник возвратить в Морской Генеральный Штаб, чтобы всегда был под руками первоисточник» [1]).

Весьма сомнительной представляется нам своевременность рассмотрение вопроса о размножении свода тогда, когда уже нельзя терять ни минуты. Столь же, если не более, сомнительна правильность возложения работы по размножению свода на Командование Морскими Силами Балтийского моря с теми ограниченными

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 3.
[2]) Д. Арх. № 7183 стр. 40.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 3.

средствами, которые находились в распоряжении означенного Командования и при том в такой момент.

В отношении адмирала Русина на имя адмирала Эссена от 13-го же июля за № 4/0 ставится еще более странный и и неожиданный вопрос: «Благоволите сообщить срочно, куда находите необходимым направлять коммерческие суда идущие из С. Петербурга, Нарвы и вообще восточных портов, в случае постановки главного заграждения» [1]).

Представляется слишком ясным, что этот вопрос безусловно должен был быть предусмотрен и решен вполне определенно еще в мирное время. Тогда же должны были быть разработаны и все необходимые инструкции, объявления и распоряжения по сему делу.

В следующем сношении от 16-го июля за № 8/0 адмирал Русин пишет Командующему Морскими Силами Балтийского моря: «О передаче ледоколов... написано письмо Министру Торговли и Промышленности»... «Об уничтожении радио-станций Руно, Ревель и Либава написано Министру Внутренних Дел»... «Благоволите срочно прислать таблицу позывных судов Балтийского флота» [2]).

Это сношение в высшей степени характерно. Всюду пишется, всюду делаются сношения, отовсюду требуются сведения, всюду чувствуется стремление распоряжениями и сношениями восполнить недочеты подготовки. В результате, масса совершенно лишних, при нормальных условиях, сношений, писем, телеграмм и тому подобное. И все срочно, весьма срочно, секретно, совершенно секретно и т. д.

Не даром уже 16-го июля адмирал Эссен в письме Начальнику Морского Генерального Штаба просит последнего: «Обуздать учреждения Морского Министерства в присылке шифрованных телеграмм, особенно по радио, чтобы не занимать воздух. Мы завалены телеграммами, как с запада, так и с востока и флаг-офицеры не справляются с шифрованием и расшифрованием. Из-за этого многие весьма важные телеграммы могут задерживаться. Между тем, например, присылают весьма пространные телеграммы, шифруя запятые и внося слова совершенно не нужные, вроде благоволите и т. д. Это занимает много времени. Наконец присылают совершенно не нужные телеграммы, например, извещение о закрытии фарватеров, которые закрыты моим распоряжением» [3]).

Как показательны например телеграммы:

17-го июля адмирал Русин сообщает Командиру порта Императора Александра III: «Ничего не уничтожайте и не разрушайте» [4]) и ответ на эту телеграмму: «По мобилизации для закупорки и уничтожения порта я должен ожидать телеграммы Генмора» [5]).

---

[1]) Д. Арх. № 7183 стр. 5.
[2]) Д. Арх. № 7183 стр. 33.
[3]) Д. Арх. № 7183 стр. 27.
[4]) Д. Арх. № 7183 стр. 61.
[5]) Д. Арх. № 7183 стр. 52.

P. S. Разбирая критически работу старших морских начальников и высших штабов по основному документу определяющему стратегически готовность к войне—плану операций автор не касается собственно готовности к войне флота как такового. Высокая тактическая подготовка и тот дух, которым был проникнут личный состав, делали из нашего Балтийского флота силу «способную побеждать» при наличии необходимо искусного оперативного руководства.

Виктор Новицкий.